

дебютанты
«КА»

Станислав
Германцев

рассказ

Беглец из Верхнего Уймона

ДАВЕЧА ветер сыпал. Густой, дородный. Вышел из дому, и так прижало меня к земле самой. Никак подняться сил нету. Лежу, наподобие таракана какого или ящерки. Голову если и поднимешь слегка, так сызнава в песок прибрежный и зароешься до ноздрей. Оно, зверюшкам ничего, может, хорошо

даже. Однако людям от этого никакого вспоможения нет и быть не может.

Имя нашему селу Верхний Уймон. Откуда «Верхний»? Старики сказывали, и «Нижний» раньше недалеко обитался. Да разве стариков проверишь? Сидят себе, наговорят чего позабористей, а за бородой их не поймёшь – улыба-

ются или серьёзны. На восток ли посмотришь, на запад – глаз теряет свою прыть. Лишь позёмка туманит вдоль горизонта, да олени копытят вечную болотную хлябь. На юг? Что мы забыли на юге? Тайга непролазная. Серость, гнус, мошкара. Деревья подпирают глубину неба. Даже смотреть боязно.

Север зато – без края. Старые люди говорят: «Океан». Буруны серых волн бьют окраину Земли. Мне галька однажды нашептала прибоем, о ком тоскует Океан.

Не понять Верхний Уймон. Подойдешь издали – собаки брешут. Гнут хвост и лаются. Обрато если идти, дело иначе. И Океан мягче, и Лето ближе резвится. Даже лёд лопается звонче. А праздники? Какие вьюги высвистывали! Вам ли спать, чтобы приснилось подобное! Весь Верхний Уймон пускался в пляс, шёл вприсядку и разбивался в добром смехе.

На прошлой неделе пришёл я в нашенский шалман. Торгуют здесь, чёрт знает чем!

Только заказы принимают с Большой Воды и до Великих Холодов. Приходишь, значит, на Солнцеворот. Так, мол, и так. Требуется муки двадцать мер, крупы всяческой, крючков, бумаги. В уловный год и удовольствий можно заказать, излишеств всяких. Откуда хозяин это всё берёт – бес его знает. Но ровно, на Солнцеворот, заказ томится и непременно ждёт тебя.

Правда, с поколением было что-то не в порядке. Старики говорят: «Связь прервалась». Прервалась и прервалась, что от неё ожидать, от связи-то. Но легенды – штука упрямая и лишь такие дети, как я, в них верят. Хотя, честно говоря, во что верить?

Так вот. Прошлой зимой ночевали бессонно всю бесконечную ночь. И волосы успели отрасли до плеч за обычную северную темень.

Всегда всё кончается где-то на ледолом. Может, чуть позже. Однако на этот раз судьба повернулась к нам другой окраиной. Уже мы думали, Солнце покинуло нас, скатилось вдоль побере-

жья по гололёду куда-нибудь и пошло куролесить по миру. Ан нет. Начало ухмыляться из-за океанской шуги. То и дело оранжевый диск выползал с края-то морского. Скачет, прямо, спасу нет. Даже старики не видали подобного. Морщили седые плечи и ничего не говорили.

Молодые всполошились: почему непонятность такая? что тому причиной? какая надобность Солнцу скакать, подобно шальному леммингу? что через завтра случится?

На прошлой неделе, повторяюсь, зашёл я в шалман. Как всегда, отовариваются, скупают барахлишко, гомон, дрязги, разнимают, выносят кого-то в снегу охладиться. В общем, будни деловитых людей. По разговорам же, все об Солнце заботятся. Кто папоротника надышался, так Светило сам поднимать желает, чтоб не прыгало. Прямо сам держать хочет, только утрётся и ещё один дых сделает. Может, отвар успокаивает?

– Плесни-ка мне, – говорю хозяину тутошнему, усаживая поудобнее свои сдобы.

– Давно нас не баловал собой, – хозяин прищурился, и мне показалось недобро.

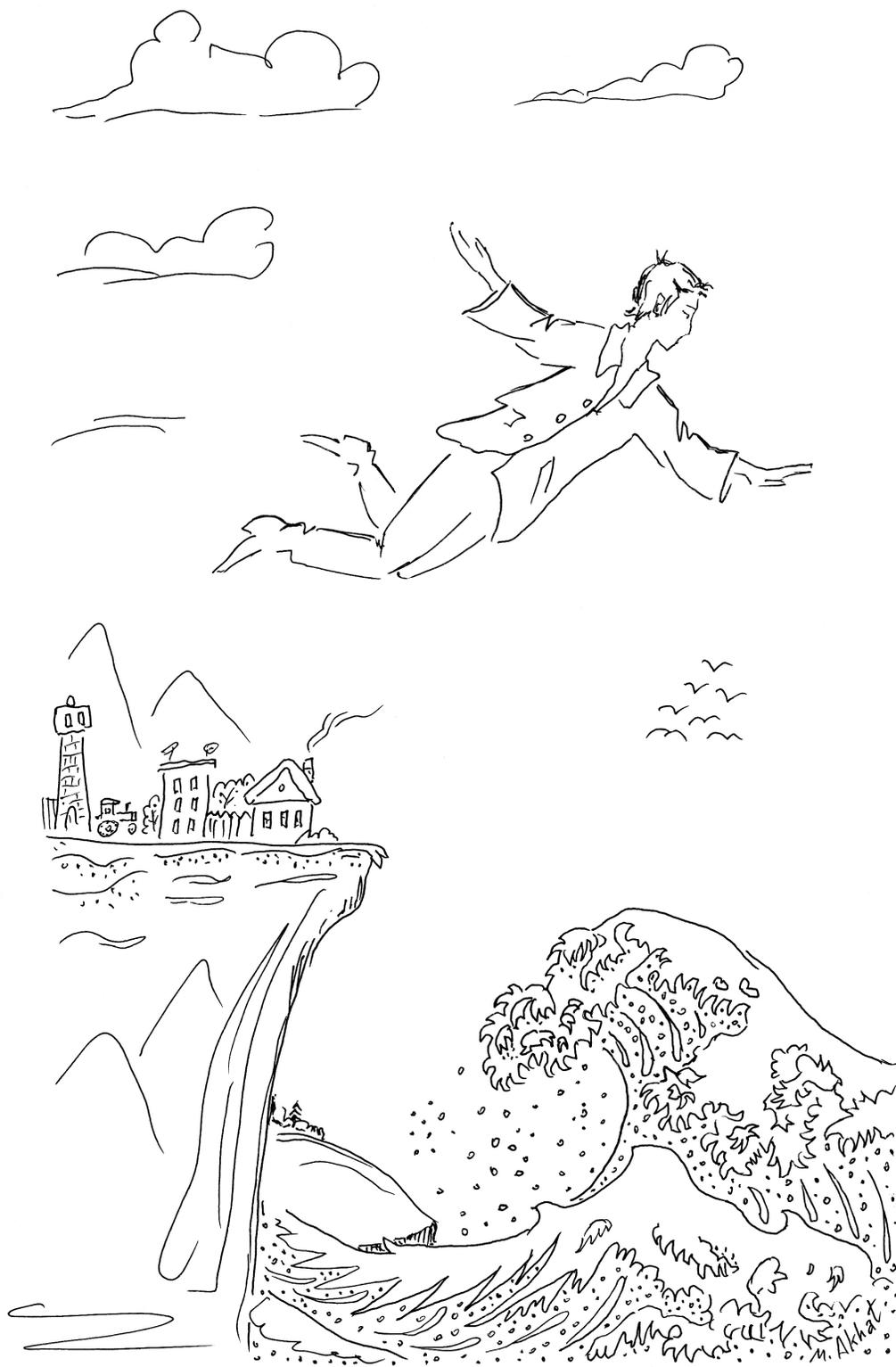
Как всегда неторопливое движение руки, это я хорошо помню, плевков в глубину кружки для чистоты, обычный обряд; всплеск грибного настоя, мутного в своей мерзости, и неприятный взгляд поверх очков. Я сию за стойкой, взгляд хозяина отправил было в карман. Он мне до самого Неба. Что с него взять? Хозяин на то и хозяин: шуметь невпопад, наотмашь вьюгу родить со зла какого. Хозяин, конечно, великая вещь. Но и мы всё-таки не снегом деланы.

– Как обычно? – спрашивает этот нахал.

– На твой вкус, – говорю я, уже храня за пазухой остатки благодущия.

К плевку в кружку добавился тот самый сглаз недобрый. Никак этого вытерпеть я не мог.

– Крепко, – высказался я, выхлебав всю эту мерзость. – Об чём мысли такие до меня неправедные?

– Ты ходил по Океану?
– Да, гулял.
– Долго?
– Уже ногти новые народились, – ответил я, сжимая холодную жезть кружки.

Хозяин посмотрел на меня совсем недобро, даже цыкнул зубовно и презреньем окатил меня с ног до головы. Ладно, думаю себе, что дальше будет?

– Ты знаешь, что Солнце мозг потеряло и шляется по небу, как ему вздувается?

Я закурил сдобренный мох, через сизый прищур посмотрев на хозяина:

– И что из этого?

– А того. Слух по миру зависает нехороший, что это ты Солнце будоражишь.

– Перестань бухтеть. Тоже мне нашёлся недоверок. Своя голова на плечах имеется. Не первый Солнцеворот меня знаешь. Сам-то как думаешь?

Может, чего прикинул хозяин, может, сердцем почуял чего. Не знаю. Но только слышу:

– Знаешь, Очкарь, я завсегда добрый к тебе. Не бери близко к сердцу. Только не я один такой одержимый. Вон, сам взгляни... И кивает в сторону лежбища.

Лежбище – это наш заповедник идиотов, в своём роде закуток «очевидного и невероятного». Там сидят некоторые юнцы, лет под восемьдесят, коих

отцы и деды содержат в состоятельности. Им отвара вдоволь, излишества отдельно от всех, даже, говорят, «пых» имеется. Люди, конечно, непутёвые. Может, по-своему никчёмные даже. Но, сиднем сидя в нашем шалмане, мнение своё имеют и делятся им со всякими прихлебателями.

– Знаешь, хозяин, плесни мне двойной «дряни», – говорю я уже на взводе.

Хозяину что: двойной так двойной. Плати вдвойне и буянь соответственно, по мере сил. Но в меру своей скромности.

Глотаю кружку как-то взахлёб, даже подавился малость – «дрянь» на то и есть дрянь. Удовольствия, естественно, никакого. Зато наглости прибавилось. То есть всё, что необходимо для вдумчивого толковища, имеется. Хозяин посмотрел на меня оценивающе, что-то пробормотал себе под нос невзыскательное, хитровански удивился, сказав: за мой счёт на всё заведение и, постучав по дереву, отправил на лежбище.

За треугольным столом как всегда восседал Морж со своей кодлой. Долгий в своём росте, угловатый какой-то, лыс абсолютно. Только и делает, что щетину усов распушает от важности да частенько мочит их в своём бездонном котелке. По левую руку от него восседает горой некий Мастер. До каких дел он мастак – это разговор надцатый. И что с того, что на всём побережье он известен как пройдоха отъявленный, скаредник

Станислав Германцев родился (1981) на Камчатке. Сочинять начал в 17 лет, стихи и прозу. Много лет работает в библиотеках Российской Федерации. Базовое образование – историк (специалитет). Также бакалавриат и магистратура (медиа). С 2018 года проживает в Москве. Библиотечный блогер, участвует в профессиональных конференциях и форумах, печатался в российских профессиональных журналах «Современная библиотека», «Библиотечное дело», «Молодые в библиотечном деле», в зарубежных профессиональных журналах. С художественной прозой публикуется впервые.

и сутяжник. Уродила природа громаду мяса, а на душу кусочка не хватило. Бывает изредка такое. Третьим, не в пример Мастеру, наоборот, шустрый в своей малости, пристроился Мелюзга. Этот башковит, конечно, но и от него тухлостью разит на многие времена во-круг. Компания подобрана Моржом со вкусом, по своей мерке.

Подхожу, значит, я так небрежно, даже словно нехотя. Шесть глаз на меня тарашатся, буравят презрением. Молчим. Мне стоять – работа плёвая, молчать – ещё проще. Нервы мои прочнее канатов будут. И, естественно, самый умный не выдержал, прорезался откуда-то с под низу Мелюзга.

– Наше вам, – щербато усмехнулся Мелюзга в своём обыкновенном приветствии.

– Того и вашей компании, – ответил я со всей возможной любезностью, – Сидим, значит? Загораем?

– Как видишь, – уже Морж усами зашевелил, не понравилось, видать, что поверх него полезли. – Сам чем занимаешься?

– Да так, всё больше по мелочи. Там хожу, сям побываю. В «сям», конечно, чаще заглядываю, но и «там» интересного навалом.

– Ага. Шуткуешь всё. Это в твоём положении, прямо скажем, замечательно просто. Но дурости твоей это не убавляет.

– А в чём, собственно, дело? И по какому праву такому мне допрос учиняете?

Начал я потихоньку успокаиваться. Хоть у них мозги инеем покрыты, но соображают: драке, тем более дармовой, хозяин уж точно рад не будет.

– Очкарь, ну что ты за человек за такой? И слова тебе не скажи. Вроде уже вторую сотню раз Лето видел, а какой был скрытлик – таковой и остался. В каких местах обитаешься; чего за надобна такая Океан топтать? Может, злоба какая в тебе закралась и не затеваешь ли недоброе чего?

У меня начал смех в горле перекачиваться. Ещё тихий, даже не слышный

как бы. Смотрю на Моржа: и как это его жёсткие усы умеют на нос залезать? Губу он, что ли, так выворачивает? Но взгляделся я попристальней и хаханьки в себе малость поприжал. Начал Морж кипятиться, лысина волной красной пошла, а сам так и буравит меня глазами. Вот чего «пых» с человеком делает. Да ещё «дряни» целая лохань перед ним.

– Ты, Очкарь, сам по себе. Очень меня заботит это. Вот не было тебя, и Солнце стало прыгать, как пьяный заяц. Ты вернулся, опять же не успокаивается! Может, обидел его чем и про то схоронил от нас? Э-э-э нет! Промеж людей так дела не растут. Отвечай, снег ты жёлтый, что за напасть за такая?!

Ну, последнее, это он зря, конечно. Особенно кулаком стучать по столу. Хозяин этого страсть как не любит. И тут как-то боком вижу: начал Мастер свои телеса приподнимать и руку до меня тянуть. То ли схватить за капюшон меня хочет, то ли сразу задушить на скорую. Только «пых» уже выкурен, ловкость у них не та уже. Да и я не с пустыми руками. Вторую кружку «дряни» не выпил даже. Странно, конечно. Но в мире и не такое бывает. Чтоб не дошло дело до бездумного мордобоя, плеснул я в харю Моржу содержимое кружки, а Мастера ей же огрел по голове с дури всей возможной. А Мелюзга особенно и не напрашивался. Потихоньку сполз со стула и как бы испарился даже. Мастер сразу поравнялся с полом и предпочёл больше не шевелиться. Что касается до Моржа, начал он слёзы размазывать с великим усердием. Ослеп на время потому что. «Дрянь» на то и нужна: или в горло залить, или в кого плеснуть при надобности. В общем, и Морж свалился, начал на карачках ползать.

– Каков ты ни на есть, а всё равно гниль ты людская! Тебя, вша бесовая, самого на Океан гнать надо, чтоб чему научился! Или в следующий раз не уползёшь просто. Весь настрой мой весёлый этот шалман испортил. Сызнова злость ноющая, грязь подсердечная и скорбь непроходящая. Опять мне доро-

га в Океан призывает. Ладно! Пойду, что ли? Куда же ещё...

Выхожу, значит, я из гадюшника этого (и на кой он мне сдался, чего в нём забыл?) и перво-наперво погоду рукой потрогал. Погода так себе. Конечно, лучше, чем было. Но всё-таки ещё не очень. Снежинки редкие с шипением тают на щеках. Даже Океан покрылся чёрными проталинами. Теплота разлилась по миру, потому как Солнце опять на природу поскакало.

58

Посёлок наш, Верхний Уймон, только прозывается посёлком. Какое там! Одна улица вдоль берега, и та корявостью своей всё возможное превзошла. Единственно, что хорошо – долгая она очень. Идёшь себе, никуда не сворачивая, глядишь – и время пройдёт. По левую руку от меня Выселки такие располагаются. Окраина, значит. Бараки, словно короста какая, облепили излучину Океана и нипочём гнить не желают. Стоят себе с прошлого, не знаю какого, только красоту нарушают. Да и плюнуть на них; всё равно там никто не живёт, кроме птиц небесных. Чайки всякие и прочая пернатая братия. Потому летом помёт скапливается горами. Ходят люди-мешочники, добывают удобрение и меняют потом на что им вздумается. Только с того и живут.

Направо, признаюсь, до окраины самой не ходил. Далеко это, да и причины весомой не находилось. Говорят люди, что на краю самом живут псы приبلудные, которые всё едят, только человек боятся. А то, что прошёл – всё странность сплошная! Железо, сплошь ржавью покрытое, из-под земли вырастает. Издали глянешь – скелеты в рыжих пятнах. Туда мастеровые ходят. Отломают кусок железа, который ещё не труха полная, и до себя волокут. А уж дома из этого хлама всякие вещицы творят. Мне, например, нож сделали; рукоятка по моей руке специально. Лучше и желать не надо. Как делают – это у них в секрете великом. На то и мастеровые.

Но центральную часть, возле этого грёбанного посёлка, знаю замечатель-

но. Иной раз кажется: глаза мне завяжи, раскрути посильнее – всё равно верную дорогу найду! Там часть малая жизни моей, не самая главная, но и не сказать, чтоб совсем завалящая. Вот, к примеру, возьмём эту хибару. Имя у неё такое странное – «библиотека». Ну и занятное же место, доложу я вам. Сплошь, буквально от пола до потолка, всё «книгами» заставлено. Тысячи этих знаний всяческих, словно хлам какой, в кавардаке полнейшем пребывают. Да и ходят сюда человек несколько. По пальцам счесть можно, если постараться, конечно. Ну и я среди таких же вырожденцев, «читать» удовольствие имеющих. Оно как бы и не к чему вовсе, пользы на крупицу. Только бередение духа и бессонница. Прочтёшь, бывает, занятное что-нибудь и словно истомился весь, изводишь себя понапрасну вопросами всякими. А после идёшь шататься по Океану, мысли свои думать. Походишь немного, успокоишься. А вернёшься – снова в страницу вперись глаза и нипочём оторваться не желаешь. Это, я сейчас сообразил, посильнее «пыха» будет! Так затягивает – за уши не оттащишь.

А вот если чуть подальше пройти, будет «лечебница» с под земли выглядывать. Только там вообще никто не появляется. А что там есть? Только «дрянь» во всех видах имеется. Называется «настойка». От того горше она во сто крат; пить эту гадость, даже от хвори, или там при смерти, не желают даже пропойцы отчаянные. Посему вливают насильно, через воронку. И только когда человек ослаб и обездвижен в своей слабости. А то ещё чего доброго отбиваться будет. Лечатся все сами чистой «дрянью»; помогает от всего, правда, если веришь. Нет чудес в тебе – головная боль на утро обеспечена. Так что утрись и выгляди бодрячком – вот настоящее спасение от заразы любой. Это я в «книге» вычитал. Называется «самоуговор».

Ещё имеются дома бревенчатые, из досок, из фанеры. У кого как. Правда, все они под мох крышуются. Землянок

нет – и на том спасибо. Вечно в мерзлоте проживать – это увольте. Не за то родился. Потому как человек, а не зверушка норковая. И хоть взять с меня нечего – гордость свою имею. У меня так себе – серединка. Не хоромы из векового плавника, но и не из ящиков, завезённых с Большой Земли. Народу у нас до двух тысяч. Раньше все десять было. Но кто на Юг подался, кто в неравной битве с «дрянью» одержал последнее поражение. Старики говорят, многие за море ушли, все пожитки свои побросав. А старики приврать очень любят. Тем, кто до их рассказней охочий, в особенности. Таким, как я, к примеру.

Ещё в наличии «корабли» и прочие ненужные жестянки. Ну, «корабли», положим, ещё куда ни шло. «Мастеровые» до них великие любители. Через поколение-другое растащат на железо и снова берег станет чист, как свеженародившийся снег. Раньше «корабли» большую силу в себе имели. Просеивали через утробу свою тысячи рыбин всяческих. И люди тем довольны были. Однако Время своё взять неоровит, стоять на месте нипочём не желает. Для этих железных захлебателей кончилась рыба. И для людей хвоста чешуйчатого не осталось. Теперича не каждый Солнцеворот серебрит хвост рыбный посреде Океана. И чем дальше, тем реже. На моей памяти, а я на неё не жалуясь, раз пять-шесть бывало подобное. Слово праздник необычайный – жизнь подо льдом. Птицы клюют собак, собаки птиц пожирают. Лемменги да трава ягодная – вот и всё, собственно. Ещё моржи, но им подавай со дна поглубже. Моллюски. А нам: что привезут с Юга – тем и довольны. И чего я об этом распространяюсь? Дела житейские.

А вон там стоит камень в честь первооткрывателя нас. Давненько, в старину махровую, нас открыли нам на радость. Мы, знамо дело, гуляния учинили – такое событие! Больше подобного не происходило. Надо «закрытие» отмечать.

Больше Верхний Уймон пуст людьюми, затай никаких; но имеется даль бес-

крайняя, красота невысказанная, одиночество великое, тишина утробная. Я – плоть от крови Верхний Уймон. И коли имеется, куда ступни свои направить, непременно шаг сделаю. А что там, на шаге втором, поглядим...

И не пошёл я по левую руку, а по правую – тем более. Солнце ведь так и резвится на небе, подсобойный мир не замечая. И подумалось мне: или это загадка великая, или я не Человек, чтоб разгадать её? Поэтому прямо дорога моя лежала, и повернуть никакой возможности не было. Потеряю себя, не найдя ответа.

Лежал Океан передо мной, бездонный и широкий. Сравнить не с чем, и не желаю сравнивать. Просто пошёл горизонт потрогать, ежели таковой имеется. И вижу: тропа моя среди бурунов снежных змеится, словно ждёт меня. И снег мельтешит мелкой крупой перед глазами подслеповатыми, очки залепляет. Вроде путь преграждает, но как бы робеет перед величиною замысла. И страшно было, но ступил я в неизвестность.

Цель я выбрал правильную: далёкую, где небо в землю врастает. И направление верное – Север. Веру взял хорошую – силы собственные.

Вначале крепкий наст был, сотни раз мной исхоженный вдоль и поперёк. А значит, скорость была приличная и торопливание моё усиливалось. Не скользко, даже как-то шершаво было ногам. Снег сухо похрустывал твёрдой корочкой поверхности. И радость, казалось, была рассыпана на моём пути. Быстрее я пошёл, побежал даже. А чего не пробежаться-то? Силы вдоволь, прямо хлещет через край, и горизонт заметно ближе стал. И что мне Верхний Уймон, на кой он мне сдался? Да пропади он пропадом! Опротивел мне своей захудалостью, и я уже через него такой же немочью маяться начал.

Только веселие моё поостыло вскоре. Кончилась дорога торная. Появились белые намёты, сначала по колено, после – с меня самого. А дальше – не

хватит шею так высоко задрать свою голову. Посмотришь и не увидишь вершины. А карабкаться по горам немного, правда, умею. Неказисто выходит, конечно, о резвости речь не веду вообще. И цепляться неудобно, и ноги то скользят, то проваливаются в ловушки пустотные, и дыхание сбито, и слёзы текут – не утрёшь...

Время шло, я по склону полз рядом. Мороз незнакомый наваливаться на меня начал – заметил, стервь, что слабеть в теле приходится. Значит, вершина поблизости. До этого и не смотрел даже, не расстраивал себя. А тут нарочно голову свою задрал. Вершина моя, родная, в двух ползках от меня блестит. Будем жить, значит.

Сию я на самом гребне. Выругаться от счастья хочется, или крикнуть чего погромче. Передо мной – Океан раскинулся. Ни белой льдинки на нём, ни прочей нежелательности. Вода бескрайняя плещется. Пространства много, а шагнуть некуда. Вот Солнце ровно ступает передо мной, краснеет молодостью. И я согреваюсь. А потом я обернулся...

Зачем? Увидел я: вдалеке лежит Верхний Уймон, всеми забытый. И Земля под ним ходуном ходит. А так, если у шалмана стоишь, и не заметишь вовсе. Но покажется, что Солнце взбесилось.

Земля дрожала, заходила в кашле чахоточном. Иногда обессиленно замирала, но вскоре новый приступ и новое напряжение. Словно хочет схаркнуть мокроту... или нет... меня, людей, и весь посёлок... Неужели Она мной больна?!

Нами?! Ужас подкрался ко мне, сел на плечо. Дико засмеялся в меня. И вот тогда я закричал...

Не помню уже, как долго связки свои надрывал. Видимо, долго. Потому что обрёл себя голым и охрипшим до немоты полной. Моя немь царила вокруг, и подобной тишины мне ни разу прежде слышать не доводилось. Передо мной сидел замёрзший человек, в очках разбитых. Более нелепого человека в жизни не встречал. А встретив, удивлялся бы сверх всякой меры. Рот его был как-то неестественно широко раскрыт. Мне ещё тогда подумалось: может, челюсть вывихнул от удивления? Всяко в жизни бывает. И на что мне он, такой некрасивый? И ветер в первый раз в моей жизни подул сбоку. Дивился я на это.

Розово нарождался новый день. За спиной моей – не нужный мне посёлок, словно горькое воспоминание, червиво копошился и распухал суетной мелочностью. А если с этой вершины спуститься, бескрайний Океан будет меня ждать. Посмотрел я вниз и увидел явственно: далеко-далеко, у самой кромки воды, в белых барашках набегающих волн, резвятся рыбы. А там, дальше, Солнцу самому ровень, птицы радость выкрикивали в лазурной глубине. И уж совсем у самого края Мира, в морозной дымке, мне Радуга улыбалась вверх тормашками. И такая сладкая жуть переполнила меня. Лёгкость пронзила меня с макушки до пяток! И мы можем воспарить! Люди всё-таки! И я оттолкнулся изо всех сил...

Москва

